

И. Г. Матвеева

Археологические и этнографические предметы в стенах Императорской Публичной библиотеки

Статья посвящена малоизвестным страницам истории Российской национальной библиотеки, когда в ней собирались не только книги, рукописи, эстампы, карты, но и памятники материальной культуры: картины, бюсты; археологические, этнографические, нумизматические предметы.

Ключевые слова: Российская национальная библиотека, Императорская Публичная библиотека, археология, этнография, музейные экспонаты

Irina G. Matveeva

Archaeological and ethnographic objects in Imperial Public Library

The article is devoted to the little-known stories of the National Library of Russia, where it gathered not only books, manuscripts, prints, maps, but also artifacts: paintings, busts, archaeological, ethnographic, numismatic items.

Keywords: National Library of Russia, Imperial Public Library, archeology, ethnography, museum exhibits

14 января 2014 г. исполняется 200 лет со дня открытия одной из старейших общедоступных библиотек России – Российской национальной библиотеки. В самом центре Санкт-Петербурга расположилось огромное книгохранилище, – распоряжением Екатерины созданное, державно-рукою Павла утвержденное, и попечением Александра I образованное.

Всем известно, что с момента возникновения Императорская Публичная библиотека включала в свои фонды, наряду с книгами и рукописями, эстампы и карты, музыкальные произведения. И только немногие знают, что Императорская Публичная библиотека в начале XIX в. «кроме произведений печати и рукописей, по образцу западных библиотек, долгое время собирала и хранила различные памятники материальной культуры: медали, в древнюю утварь, статуи, картины и так далее»¹.

Известный историк Российской национальной библиотеки Ц. И. Грин, которая отмечала, что «следует заметить, что, в отличие от историков нового времени, осуждавших так называемый музейный уклон Публичной библиотеки в 50-е гг., сами современники относились к нему с пониманием и одобрением»². Музейное и архивное начало в деятельности Императорской публичной библиотеки помогало решать насущные вопросы нашей литературы и истории, раскрывало и демонстрировало материалы опубликованных научных исследований.

Объяснение этому можно найти и в том, что директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин дорожил любым вниманием и участием к Библиотеке, старался всеми способами притягивать внимание насе-

ления. А в первые годы своего существования многих россиян нужно было разными способами привлекать к Библиотеке, хотя бы и путем возбуждения любопытства: «Любопытные посетители с удовольствием будут рассматривать означенную медаль, как несомненное Историческое свидетельство о Босфорском царстве, оказывающее при том степень тогдашнего искусства и просвещения»³.

Археологические экспонаты передавались Библиотеке в дар поэтом и сотрудником Императорской Публичной библиотеки Николаем Ивановичем Гнедичем (1784–1833); русским историком и коллекционером Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875); горным инженером и зрителем Бухтарминского рудника Григорием Ивановичем Спасским (1783–1864); этнографом, статистиком и библиографом, академиком Петром Ивановичем Кеппенным (1793–1864) и др.

31 мая 1813 г. А. Н. Оленин в письме к министру народного просвещения А. К. Разумовского писал: «По Высочайшему повелению Ея Императорского Величества государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны доставлен ко мне на сих днях Г. Надворным Советником Лонгиновым сделанный отставным Штабс-капитаном Г. Тургеневым список со знамени Князя Пожарского, под которым некогда Россияне стеклись на спасение Отечества от их врагов. Согласно с высочайшею волею, в отношении ко мне Г. Лонгинова изъясняя, я препроводил список сей Императорской Публичной Библиотеке, где оный будет помещен в Хранилище рукописей между любопытными редкостями Отечественной истории с приличным ему украшением»⁴. В середине

XIX в. этот список «на шелковой ткани с валиком и рукояткой» находился в шкафу «В» рукописного отделения⁵.

Самая крупная коллекция археологических предметов была приобретена в 1817 г. Это было собрание горного инженера, изобретателя и организатора горнозаводского производства на Алтае, начальника уральских Колывано-Воскресенских заводов (г. Змеиногорск, позже – Барнаул), томского губернатора Петра Козьмича Фролова (1775–1839). Его коллекция состояла из ста тридцати пяти различных археологических памятников «искусства разных азиатских народов, многие из которых принадлежат к весьма отдаленным от нас временам и найденные в разных местах Сибири при разрытии курганов»⁶.

По воспоминаниям немецкого ученого флориста и путешественника, член-корреспондента Петербургской Академии наук Карла Христиана Фридриха (Карла Фридриховича) фон Ледебура (1785–1851), в этом собрании достопримечательнейших присутствовали самые разнообразные археологические предметы: «монгольские идола, священные сосуды ламаистов, древности из чудских и киргизских могил, богатая коллекция китайских картин»⁷.

Дирекция Библиотеки не только покупала и принимала в дар самые различные музейные ценности – археологические, этнографические, нумизматические, но и неоднократно обращалась к различным учреждениям и частным лицам с просьбой о помощи в их приобретении. Так, в 1818 г. в письме к вновь назначенному Генеральным российским консулом в г. Смирне Спиридону Юрьевичу Дестунису (1782–1848) Оленин писал: «В городе, в котором вы будете <...> встречается весьма много любопытных древностей, приобретение коих было бы чрезвычайно полезным для Академии Художеств и Публичной библиотеки <...> Для Библиотеки нужно собирать древние греческие и на других языках рукописи, надписи, медали и разные камни»⁸.

К 1820 г. уже было широко известно о нахождении в Императорской Публичной библиотеке некоего «археологического музеума». П. В. Кеппен в своем письме, сопровождая слепки древностей в дар российскому книгохранилищу, писал: «В уверении, что Императорская Публичная Библиотека не откажется принять и самого жалованного приношения, которое может служить к усовершенствованию познаний о временах протекших, я осмеливаюсь представить сему Заведению для приобщения к прочим предметам, составляющим археологический Музеум оногo, следующие слепки с некоторых древностей, найденных в Крыму при разрыле-

нии могил»⁹. Среди переданных им предметов особый интерес представляли слепок небольшой маски; слепок небольшого барельефа, представляющий Меркурия; небольшая статуя, изображавшая Лидийскую царевну Омфалу; четыре лампы. Первые три вещи, как сообщил даритель, были сделаны из красной жженой глины. Найдены они были при раскопках около города Керчи, а четыре лампы «черной земли» были извлечены из разрытой могилы близ крепости Еникале¹⁰.

Среди археологических артефактов имелись предметы оружия, различные инструменты, всевозможные коробочки, образцы рыболовных принадлежностей, барельефы, лампы, множество сосудов и братин, женские украшения и др. Особую гордость Библиотеки составляла коллекция идолов.

Среди примеров всевозможного оружия хранились различные кинжалы, ножи, луки и стрелы, копья, шпаги, найденные на Алтае. Так, например, в фонде Библиотеки хранились: серебряный «наконечник от ножен кинжала с выбитыми на нем цветками» и «провода от ножен сего же кинжала»; бронзовый нож «особенного от обыкновенных ножей вида»¹¹; медные, железные (один из них из кургана близ реки Коргон¹²); кинжалы из камня «жаде»¹³; два медных ножа: один – «вероятно служивший при совершении жертвоприношений»¹⁴ (один из них был найден в кургане близ села Чингизское в Сибири; другой – во время пахоты близ города Сузунска Томской губернии)¹⁵; остатки от четырех железных стрел¹⁶; бронзовый «наконечник от стрел»¹⁷; «костяная оклейка с лука» и костяное копье, вырытые близ села Кремлево; два медных копья, найденные при раскопках близ Змеиногорского рудника (Алтайский край) и у Божьего озера в Сибири¹⁸; медный и железный эфесы (рукоятки) от шпаги и «тонкие листы, снятые со шпаги, выкопанные в кургане около Бухтарминского рудника»¹⁹.

Сотрудники Библиотеки особенно гордились ружейным замком «особенной конструкции, отличавшейся от употребляемого ныне тем, что огниво состоит из колесика, обращаемого к полке ключом»; замком от пищали; железными нарукавниками «с арабскими надписями серебром насеченные»²⁰ и остатком кольца из кургана близ деревни Белой и Колывановского завода.

В коллекции Императорской Публичной библиотеки хранились и рыболовные принадлежности – медные литые удила, отысканные близ Бухтарминского рудника²¹. Большая их часть поступила в Библиотеку в составе коллекции Фролова.

В 1818 г. от маркшейдера Г. И. Спасского получены серебряные предметы «под позолотою и чеканной работы от конской сбруи» и три медные «разнообразные вещи от конской сбруи, некоторые чеканной работы»²², 14 медных вещей, из которых пряжки, гвоздики и небольшая бляшка, принадлежавшие конской сбруи²³.

Из коллекции П. К. Фролова в фонд библиотеки перешли такие предметы конской сбруи, как медная литая дужка, найденная близ Бухтарминского рудника²⁴; четыре медных бляшек из кургана близ Колывановского завода²⁵; медная бляшка, найденная близ села Кашино и реки Алей²⁶; медные литые стремяна, найденные в кургане близ реки Иртыш²⁷ и Шульбы.

В коллекции археологических предметов Императорской Публичной библиотеки имелись лампы, трутницы, курительные трубки. Павел Алексеевич Дютрук через П. И. Кеппена в 1820 г. подарил слепки с «лампы черной земли, отыскано <...> в могиле, разрытой близ Еникала»²⁸. В 1860 г. от доктора медицины Карла Карловича Задлера была получена для средневековой залы Библиотеки старинная «огнива (огневица? трутница?)»²⁹. Г. И. Спасский пополнил эту небольшую коллекцию железной курительной трубкой, обитой кожей, «поверх которой разноцветные стеклянные бусы. К ней принадлежат две железные огнива и две трутницы, сшитые из кожи и украшенные стеклярусом, а одна с медными пуговицами»³⁰.

Из посуды в собрании находились сосуды, бутылки и братины, в большей степени сибирские. Значительная их часть была найдена в одном из курганов Красноярского уезда. Среди них была медная братина с надписью «Чашка гостинной сотни Федора Маркова, лета 3-е году (1692) месяца мая 9»; 12 китайских сосудов из камышовых полосок с медною оправой (два из них из коллекции Фролова); битый сосуд из красной меди и обломок от него; индейский сосуд, «высеребрянный, с таким же подсвечником и ковшом»; чаша из яшмы³¹.

Среди бутылей особую редкость представляла итальянская глиняная бутылка «Сидящая флейтистка с птицей», датируемая 350–320 гг. до н. э. В 1854 г. она поступила в Эрмитаж³².

Коллекция археологических предметов Императорской Публичной библиотеки была богата и предметами каменных и железных инструментов. Среди них: американский топор из камня называемого жаде³³; два медных топора, найденные в Змеевском руднике; два старинных топора из Малороссии – один с дырою, подаренный библиотеке ротмистром Быковским из с. Белоцерковка Полтавской губернии; другой – без дыры, переданный Библиотеке губернским

секретарем из с. Бригадировка Харьковской губернии; «первый лет пятьдесят уже вышел из употребления, а последний редко употребляется строителями мельниц»³⁴.

Из других инструментов были представлены два долота – одно из жаде³⁵, а другое медное³⁶, найденные в Петровском руднике (Змеиногорский район Алтайского края)³⁷; два сопла, найденные при раскопках близ Бухтарминской крепости³⁸; молот, найденный в Змеиногорском руднике³⁹. А также горный клин, найденный в Гольцовском руднике близ Змеиногорска; два инструмента похожих на пестик и инструмент, похожий на долото, найденные около Божьего озера в Красноярском уезде⁴⁰; железные и медные гвозди из кургана у Бухтарминского рудника⁴¹. В 1852 г. эти предметы также были переданы в Императорский Эрмитаж⁴².

Хранили сотрудники Императорской Публичной библиотеки в своих фондах и различные пряжки. Одна из костяных пряжек, найденная близ реки Коргона в Сибири, была пришита на ремень жилами и пропитана маслом для большей сохранности; костяной шпенек от пряжки⁴³, несколько пряжек, найденных у Рудерского рудника близ рек Чарыша и Аляя; бляшка «с изображенным львом внутри остатков ремня»⁴⁴.

Тридцать шесть медных бляшек были найдены при раскопках курганов южной части Томской области. Среди них одиннадцать золоченных, восемь – из белой меди⁴⁵, десять – серебряных позолоченных бляшек (одна из них – круглая⁴⁶); серебряная бляшка с халцедонами и бирюзой, найденная близ Бухтарминского рудника; бляхи из белой меди с двумя ушками и с изображением в прорезе трех животных⁴⁷; девять медных золоченых бляшек⁴⁸.

На сегодняшний день наибольшую ценность представляют медные и костяные пряжки и бляхи с резными изображениями разных зверей (львов, коней, тигров, лосей и др.⁴⁹). Найдены они были на Алтае. Эрмитаж, куда они поступили из Библиотеки по распоряжению Императора, до сих пор гордится этими экспонатами. Среди них – костяная пряжка с изображением двух голов сайги (6,1 x 3,9 см); костяная бляха в виде головы тигра в фас (8 x 8,8 см); деревянная бляха с головой тигра в профиль (8 x 4,4 см); костяная бляха с изображением двух стилизованных голов лосей (6,9 x 4,9 см); семь бляшек с изображением лосей; две из которых серебряные⁵⁰. Их изготовление относится к скифской культуре V–IV вв. до н. э.

Г. И. Спасский подарил пряжку с изображением льва и другую – с видом двух верблюдов или зебр⁵¹.

Среди медных блях наибольший интерес представляла бляха, «чеканная в Швеции, бывшая в обороте вместо денег с надписью „Daler Sylf Munt 1729“ и с гербом провинции Далекарлии⁵²», которую в 1852 г. передали в Эрмитаж⁵³.

По всей в Библиотеке имелись не менее ста различных изображений божеств (идолов), как в двухмерном (рисунок), так и в трехмерном (статуя, статуэтка) изображении. Семьдесят пять тибетских идолов, «чертами рисованные на золоченой бумаге с надписями на обороте на тибетском языке серебром. Сие изображения вынуты из внутренности медных идолов, выкопанных в сибирских курганах»⁵⁴; два – «литых из белой меди»; девять тибетских медных золоченых идолов⁵⁵; два медных (один из Сибири, а другой – «древний германский идол»⁵⁶); один костяной идол с алеутских островов⁵⁷, деревянный американский идол из красного дерева⁵⁸ из коллекции от Фролова.

Г. И. Спасский подарил библиотеке «Бурхан⁵⁹ или Божок далайламский, сделанный из глины и позолоченный. Таким Бурханам поклоняются Калмыки и Монголы»⁶⁰ и четыре монголо-бурханских⁶¹ Шакьямуни⁶²; «один из них глиняный раскрашенный и позолоченный, а три остальных из бумаги, сделанные, кажется, в Тибете».

Кроме них, хранись каменные барельефы, изображавшие идолов из Сибири⁶³.

В 1852 г. 10 далайманских идолов; 84 предметов посуды, оружия и инструментов; пять сибирских зеркал шаманов, две византийские вазы (одна из них была изготовлена из меди, другая – из слоновой кости) были переданы в Новый Кабинет Эрмитажа по личному распоряжению Императора⁶⁴.

Кроме идолов среди далайманских предметов имела часть скипетра, «главными Ламами употребляемого» во время службы⁶⁵.

Содержалась небольшая коллекция барельефов на дереве: с изображением головы дракона, найденный близ Кузнецка; представляющий лося; с тремя головками неизвестного зверя, раскопанный в кургане близ реки Катунь (левая составляющая реки Оби) и др. Все эти предметы были покрыты тонкими серебряными листами. Кроме деревянных барельефов, хранились и два костяных барельефа с головой дракона, найденных в кургане близ реки Чарыша⁶⁶.

Посетителей Библиотеки в тот период изумляла и небольшая коллекция фигурок различных животных: лошадей, собачек, птичек. Например, две фигурки лошади: одна медная, найденная близ реки Бии на Алтае⁶⁷; другая – из железа⁶⁸; две костяные птички в агатовой чашечке⁶⁹, которые камчадалы, проживавшие

на территории современного Камчатского края, использовали при ловле птиц как символ бога охоты. Кроме них хранилась медная птица с изображением человеческого лица на груди, найденная в кургане близ Чингизского села⁷⁰; костяная собачка⁷¹.

Отдельное место занимала незначительная коллекция коробочек, найденных в курганах южной части Томской губернии. Среди них: коробочка с 13 медными бляшкам от конной сбруи; коробочка с девятью медными бляшкам; коробочка с 10 медными бляшками, две из которых позолоченные; коробочка с 9 медными скобочками⁷²; коробочка, украшенная серебряной золоченой бляшкой с изображением лосей.

Привлекали внимание посетителей, в особенности дам, самые разнообразные женские украшения, которые составляли отдельное собрание. Здесь были кольца, сережки, браслеты, гребни, кольца, перстни, разнообразные бусинки и пуговицы. Эту коллекцию составили образцы трех медных колец, откопанных в разных курганах Алтая – близ Змеиногорского рудника, у Белого озера в Красноярском уезде⁷³, около Бухтарминского рудника; медная литая серьга из кургана, находящегося недалеко от Салаирского рудника⁷⁴ и речки Бачат⁷⁵; медный золоченый браслет (близ г. Кузнецка); два костяных гребня найденные близ горы Кремлевой⁷⁶ и Бухтарминского рудника⁷⁷; два кольца, «найденные у носа похороненного»⁷⁸, пуговица⁷⁹; «золотой перстень с вырезанными на камне кентавром; костяное ожерелье, отысканное близ Бухтазарского рудника; серебряные пуговицы разного вида»⁸⁰ и др.

Среди украшений были три подвески, тридцать пять бронзовых колец, найденных в Ольгопольском уезде Подольской губернии близ деревни Балановки⁸¹. В 1851 г. почти все женские украшения из археологической коллекции Императорской Публичной библиотеки были переданы в Московскую оружейную палату.

Кроме самих украшений, хранилось несколько стеклянных пестрых пронизок⁸² зеленого стекла, найденные близ деревни Белая⁸³ и реки Бухтармы; полудрагоценные камни, использовавшиеся в украшениях – прозрачный египетский камень с резьбой, шесть корналинов (сердоликов), сарданик и агат.

Были и образцы тканей, например, шелковая ткань, найденная в 1789 г. с платьями в пещере близ реки Чарвета в Сибири⁸⁴.

Особую ценность представляли зеркала, большая часть которых поступила из коллекции П. К. Фролова⁸⁵ и от Г. И. Спасского. Из архивных материалов известно, что одно из этих зеркал было найдено в кургане близ горы Кремлевой

и Бухтарминского рудника в Восточном Казахстане у современного села Усть-Бухтарма. Оно представляло собой «медный литой круг с изображением лосей. Сей круг был обвернут шелковой и бумажною материей, и лежал под кистью правой руки похороненного, которая, так как и левая, была простерта вдоль туловища»⁸⁶. Другое зеркало представляло собой «медный литой круг, найденный в кургане близь города Кузнецка»⁸⁷.

Весьма интересны были медные зеркала, подаренные Г. И. Спасским. Одно из них было с изображением на обратной стороне драконов. Наибольший интерес вызывало зеркало с «рукояткою и с изображенными на другой стороне стариком и женщиной, стоящими под деревом с плодами у воды, птицею и вьючным оленем»⁸⁸. Другое представляло медный кружок с отломленной ручкой: «На сем кружке с одной стороны изображены две человеческие фигуры, деревьев, журавль и олень. В одеяниях фигуры много сходства с китайскими. Вероятно, и сама вещь есть произведение китайского искусства, а так же другая сторона сего кружка совершенно гладкая, то, кажется, что он служил зеркалом. Как и теперь в Китае, зеркала делаются металлические, весьма похожи на этот кружок»⁸⁹.

Кроме того, были представлены в коллекции четыре медных зеркала «с изображением на одной стороне разных зверей, чудовищ и змей. В середине кружков небольшие возвышения, наподобие шляпки обойного гвоздя; с боковою скважиной. Эти кружки употреблялись шаманами»⁹⁰.

Известно, что пять сибирских шаманских зеркал были переданы в 1852 г. в 1-е Отделение и в Новый Кабинет Эрмитажа⁹¹.

В 1830 г. была куплена «бронзовая древняя фигура Фауна в полвершины величины, найденная в в Старобельском уезде Воронежской губернии при вспахивании полей»⁹². 13 апреля 1851 г. она была передана в Эрмитаж⁹³.

Библиотека не чуралась обладать даже экзотическими экспонатами человеческих останков. Здесь находился «головной череп человеческий, взятый в Сибири из Чудского кургана или древней могилы»⁹⁴; «обрылок обертки мумии»⁹⁵ и даже гробик с останками польского короля Станислава I Лещинского (1677–1766).

Последний предмет поступил в Библиотеку 20 мая 1834 г.⁹⁶ по Высочайшему повелению вместе с 112 ящиками книг из Варшавского общества любителей наук. Более 20 лет он хранился в фондах Библиотеки. 4 апреля 1857 г. М. А. Корф обратился к министру Императорского двора с просьбой разрешить передать останки польского короля великого князя литовского Станис-

лава I Лещинского (1677–1766) в Вильнюсский археологический музей. Однако Император принял иное решение – предать его тело земле в Санкт-Петербурге. Было решено захоронить останки в приходской Римско-католической церкви Св. Екатерины в Петербурге, в том же месте, где тогда покоился прах последнего польского короля Станислава II Августа Понятовского (1732–1798). Что и было сделано в присутствии митрополита Римско-Католических церквей Вацлава Жилинского (1856–1863)⁹⁷. Во время похорон при вскрытии гроба, обитого пунцовым бархатом, в нем был найден небольшой черный жестяной ящик в виде гроба, с двух сторон которого на особых досках была надпись: «*ici repose le corps de Stanislas premier roi de pologne, Duc de Lorraine et de Bar surnomme le bienfaisant decede a Luneville le 23 Fevrier 1766*»⁹⁸. Внутри были обнаружены «кость из нижней щеки, часть украшения, по-видимому, принадлежащая к знамени, железный для поставления гробика катафалк и маленький красным бархатом обтянутый гробик, внутри которого найдены, завернутые в кусок холста кусок одежды и небольшая кость от пальца»⁹⁹.

А предыстория такова. В 1814 г. дивизионный польский генерал Михаил Сокольниковский (1760–1816), возвращаясь из Парижа, посетил город Нанси, где в церкви Спасительницы Богородицы был похоронен Станислав Лещинский. В 1814 г. там была установлена мемориальная доска. Генерал обратился с просьбой к Гражданским и духовным начальствам с просьбой «уступить ему одно из знамен, украшавших гробницу Лещинского, и частицы его бранных останков для помещения их при памятнике, воздвигнутом для него в Польше»¹⁰⁰. Что и было сделано.

В период директорства М. А. Корфа в 1852 г. начался процесс передачи из Публичной библиотеки различных ценностей по повелению Императора в такие учреждения, как Эрмитаж, Оружейная палата, Румянцевский музей.

Археологические предметы были предназначены к передаче прежде всего в Эрмитаж. Так 20 марта 1852 г. начальник I Отделения Императорского Эрмитажа Флориан Антонович Жиль (1801–1864) получил информацию о том, дирекцию Императорской Публичной библиотеки обязывают передать им музейные вещи. В нем сообщалось: «Г. Генерал-Фельдмаршал Министр Императорского Двора от 18 сего Марта за № 1069 уведомил, что по всеподданнейшему докладу Его Светлости представления Г. Директора Императорской Публичной Библиотеки Государь Император изволил Высочайше повелеть хранящиеся в сей Библиотеке разные предметы художественные, археологические и этнографи-

ческие, в препровождаемых при сем шести реестрах показанные доставить в Новый Эрмитаж и выставить на Высочайшее Его Величества воззрение и распределение при чем его светлость присовокупил, что о таковой Высочайшей воли объявлено Г. Статс Секретарю Барону Корфу. Сообщая об этом Вашему Высокопревосходительству, покорнейше прошу приказать, кому следует означенные вещи принять и выставить в зале XVII Нового Эрмитажа; о последующем же меня уведомить»¹⁰¹.

Директор ИПБ М. А. Корф не возражал: «В Императорской Публичной библиотеке с давних времен хранятся разные предметы художественных, археологических и этнографических, которые хотя, и служат их украшению, не входят в число существенных принадлежностей книгохранилища, могли бы найти себе более соответствующее место в коллекции Эрмитажа»¹⁰².

В тот же год в I и II отделения, библиотеку и Минц-кабинет Эрмитажа было передано из Императорской Публичной библиотеки по разным сведениям от 154 до 188 археологических предметов¹⁰³. Среди них наиболее ценными были двенадцать далайламских идолов; пять сибирских зеркал шаманов, византийская ваза из меди, византийская ваза из слоновой кости, различные «предметы чудские, как-то: оружие, посуда, инструменты» (84 экз.)¹⁰⁴ и др.

Царкосельский арсенал дополнили копией со знамени князя Пожарского, замком от пищали, десятью вещами с Курильских островов и Русской Америки, обломком головной накладки из железных колец¹⁰⁵.

Для пополнения китайской коллекции Гатчинского дворца передали семнадцать китайских и японских вещей¹⁰⁶.

При передаче археологических предметов не был обнаружен золотой веноч, найденный при раскопках на Таманском полуострове недалеко от Фанагорийской крепости. В 1817 г. он был передан А. Н. Оленину для хранения в фондах Императорской Публичной библиотеки. По всей видимости, он запомнился императору, который видел его в Библиотеке, что он потребовал отыскать его. После долгих поисков А. Ф. Бычкову удалось выяснить, что «обломки лаврового венка, сделанные из самых тонких золотых и электровых¹⁰⁷ листов», золотые тонкие листочки этого венка затерялись уже к 1830-м гг., а к 1852 г. он весь был утрачен¹⁰⁸.

Одной из основных идей директора Императорской Публичной библиотек М. А. Корфа было убеждение, что просветительная задача библиотеки требует создания в ней не музея артефактов, а «возможно полного образовательного музея по истории письменности, книгопе-

чатания и гравирования»¹⁰⁹. Позже Библиотека полностью отказалась от собирания и хранения памятников материальной культуры, и уже во время директорства Д. П. Бутурлина «музейная часть Библиотеки, крайне скудная и весьма мало отвечающая смыслу последняя, замерла на мертвой точке»¹¹⁰. Тем не менее Библиотека продолжала принимать археологические вещи в дар для дальнейшей передачи или продажи их в разные музеи до 1917 г.

Коллекция этнографических предметов в Императорской Публичной библиотеке была менее обширна и богата по сравнению с археологической, однако и в ней некоторые вещи представляли и представляют до сих пор для современных исследователей значительный интерес. Предметы этнографии, составляющие черты традиционной повседневной (бытовой) культуры народа, образующие его этнический облик, позволяли посетителям Императорской Публичной библиотеки при знакомстве с ними с большей наглядностью осваивать серьезные научные труды, знакомящие их с процессами формирования и развития различных этнических групп, формами их культурной самоорганизации, закономерностями их коллективного поведения и взаимодействия.

Зная о формировании в стенах Императорской Публичной библиотеки коллекции предметов старины, раскрывающих историю и быт многих народов, этнографы и путешественники В. Вишняков, Н. П. Румянцев, А. А. Майков, Г. И. Спасский ее пополняли путем дарения. Вещи с американских островов, острова Тан и корякские, собранные во время путешествия на шлюпке «Диана», были подаренные капитаном 1-го ранга, мореплавателем и ученым, историком и географом, экономистом и лингвистом, этнографом Василием Михайловичем Головниным (1776–1831). Среди них были «кусоч дерева, вкладывавшийся в разрез нижней губы, под самым ртом женщинами»; «шесть трубочек, называемых гайквас, который собирают местные жители, отрывая их от подводных камней и украшают ими свой наряд».

Вещи, привезенные с острова Тан, были подарены Головину одним из старшин этого острова: «трубка с краскою для натирания лица»; тростниковая трубочка, украшавшая нос жителей; сережки из черепаховой кости, носимые мужчинами; «кусоч черепаховой кости, вкладываемый вместо украшения в отверстие хряща между ноздрями», перо, которое старшины носили в волосах, как знак отличия (жители острова называли его Кайо).

Среди этнографических вещей коряков были предметы, употреблявшиеся во время

ловли рыбы и охоты на зверей¹¹¹: «копье, которое сидячие коряки бьют китов (это копье насаживается обыкновенно на шесть длинную 10 фут)», гарпун, «употребляемый сидячими коряками при ловле китов», курительная трубка из моржовой кости, шесть игрушек их моржовой кости, сделанных обыкновенным ножом, удило.

«7 предметов местного изготовления для домашнего обихода» с острова Мадагаскар подарил в апреле 1907 г. иезуит Мишель д'Эрбини¹¹².

Среди этнографических экспонатов в Библиотеке хранились образцы одежды (платья, ленты, платки) и аксессуаров (сумки, портфели, опяхало), предметы посуды (ложки, вазы, рюмки) и др.

В 1816 г. от Н. П. Румянцева в дар поступил «привезенный из новой Голландии плащ, или верхнее платье на европейский образец»¹¹³. Отмечалось, что оно было «весьма искусно сшитое из кожи сивучей»¹¹⁴. От Г. И. Спасского поступила «лента, вытканная из пеньки и украшенная косяными обточенными кружками. Она употребляется в Сибири шаманами поверх одежды»¹¹⁵. От него же в дар в Библиотеку поступили две голубые и две оранжевые шелковые подушки¹¹⁶.

В марте 1831 г. А. Н. Оленин подарил «большое опяхало из слоновой кости, на котором с одной стороны находится топографическое описание Губерний Тамбовской, Рязанской и Тульской губерний, с раскрашенными гербами оных, а с другой стороны – ландкарта сих губерний с гербами городов. Карта сия сочинена в 1789 г.»¹¹⁷.

В 1816 г. Библиотека получила два аксессуара с Алеутских островов. От доктора философии Б.-Г. Вихмана поступил предмет, называемый в архивных документах по-разному: «портфель», «бумажник», «записная книжка», «сумочка» женской работы, «сделанная с особенным мастерством из тамошних произведений», «выделанный разными узорами на Алеутских островах и сшитый в Камчатке»¹¹⁸. Из коллекции Фролова поступила «алеутская трубка из моржовой кости»¹¹⁹.

Этнографические предметы Персии представлял талисман, «называемый Бозубен, в ящике из Сибирской яшмы», который поступил от астронома и геодезиста Викентия Карловича Вишневого (1781–1855). В 1818 г. от Г. И. Спасского был получен в дар арабский талисман из перламутра¹²⁰.

Вещи из Японии и Китая поступали от доктора философии Б.-Г. Вихмана, из коллекции П. К. Фролова¹²¹. Здесь были четыре кисти; камышовая трубочка, употребляемая для письма первыми китайцами в футляре¹²²; китайские очки

в футляре¹²³, «китайская или японская игра, состоящая из 120 маленьких листочков в ящике тамошней работы», визитная карточка, сделанная искусно из соломы»¹²⁴; кокосовая чашка с «китайскими резными надписями и инкрустациями»¹²⁵; китайская ваза «из коры без дна»¹²⁶; «чаша из китайской яшмы с двумя ушками, составленными из ящериц, имеющая 2 вершка в поперечине и 3/4 глубины»¹²⁷.

Среди этнографических экспонатов особую ценность представляли предметы посуды – ложки, вазы, рюмки. Так в Библиотеке имелась «ложка, выработанная из китовой кости»¹²⁸ (поступила в 1815 г.), роговая ложка¹²⁹; «стакан из слоновой кости с вырезанным кругом его барельеф, относящемся к XV в.» (приобретен в 1832 г.¹³⁰); «резной из кости стакан без дна» (подарен Г. И. Спасским)¹³¹; первая, изготовленная в России, стеклянная рюмка – «первое русское изделие при Петре Великом» (подарена в 1831 г. А. А. Майковым¹³²); «две столовые оловянные тарелки, бывшие в употреблении во время походов Государя Императора» с надписью «тарелка Великих Государей села Измайлова. Взята в овощной палате»¹³³ (куплены в 1830 г.).

В 1852 г. посуда была передана в Московскую Оружейную палату.

Большая часть этнографических предметов находилась в Библиотеке дольше археологических и нумизматических – до начала XX в. Однако начиная уже со второй половины XIX в. она не пополнялась.

Дирекция Библиотеки, находя, что подобным «предметам приличнее находиться в Этнографическом музее Академии наук», 24 мая 1907 г. передала туда большую часть этнографических предметов.

25 марта 1917 г. был образован Комиссариат для охраны художественных ценностей в составе члена Государственной думы П. А. Неклюдова, Ф. И. Шаляпина, М. Горького, А. Н. Бенуа, К. С. Петрова-Водкина, М. В. Добужинского, Н. К. Рериха и И. А. Фомина. Комиссариат принял решение о сдаче в местные ученые архивные комиссии всех находящихся в различных городах предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение. До 1930 г. еще признавалось, что Библиотека, «являясь своего рода музеем, содержала сотни экспонатов, в том числе величайшие редкости из недр Отделения Рукописей, Искусств, Старопечатных книг и т. д.»¹³⁴. Однако уже в тот же период началось формирование мнения, что нахождение музейных ценностей в Библиотеке не соответствует идеологической функции Библиотеки и потому следует «разбивать представление о ГПБ, как

о книгохранилище-музее»¹³⁵. И началась окончательная передача археологических и этнографических предметов в музей.

Конечно, можно сожалеть, что музейные ценности, хранившиеся в стенах Императорской Публичной библиотеки, ныне в лучшем случае хранятся в запасниках многих русских музеев, и в большинстве своем они недоступны для обозрения. Однако мы можем испытывать гордость, что многие из этих предметов сохранились и выставляются на обозрение публики благодаря деятельности ИПБ и ее сотрудников.

Примечания

¹ Пишванова В. И. Краткий обзор архивных источников по истории Публичной библиотеки за дореволюционный период, 1795–1917 / публ. И. С. Зверевой // Публичная библиотека и культура: три века истории: док., материалы, исслед. СПб., 2006. Вып. 1. С. 27.

² Цит. по: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников, 1795–1917: хрестоматия. СПб., 1998. С. 243.

³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1816. Д. 3. Л. 1–1 об.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. 1813. Д. 24. Л. 1–2.

⁵ ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 4 об.; ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. 1860. Л. 2.

⁶ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1817 г. СПб., 1817. С. 47.

⁷ Цит. по: Бармина О. В. Опубликованные источники по истории формирования личной коллекции П. К. Фролова // Вестн. Алт. гос. пед. акад. 2007. С. 83.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 20. 1818. Д. 42. Л. 1–2.

⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1820. Д. 2. Л. 11–13.

¹⁰ Ени-Кале, Еникале – крепость на берегу Керченского пролива в северо-восточной части г. Керчь (Украина), построена османцами в 1699–1706 гг. Название в переводе с турецкого языка означает «Новая Крепость».

¹¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4 об.

¹² Коргон – река Томской губернии, левый приток реки Чарыша.

¹³ Жадеит (фр. *jadeite*, от *jade* – нефрит) – минерал зеленого цвета из группы щелочных моноклинных пироксенов, силикат натрия и алюминия. Свое название получил от жада – общего названия минералов жадеита и нефрита.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

¹⁵ Сузун был основан по именному указу Сенату Екатерины II от 7 ноября 1763 г. в связи с необходимостью начать чеканку монет на территории Сибири.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 12.

¹⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.

¹⁹ Там же. Л. 36, 38–40.

²⁰ Там же. Л. 36 об.

²¹ Там же. Л. 38.

²² ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.

²³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 10; Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38 об.

²⁵ Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 10.

²⁶ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 37 об; Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 9 об; ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1852. Л. 2.

²⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1820. Д. 2. Л. 11.

²⁹ Там же. 1860. Д. 3. Ч. 1. Л. 115.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36.

³² Бутыль. Сидящая флейтистка. Южная Италия, Апулия. Глина; черный лак, белая, желтая и красно-коричневая накладные краски. Высота 16 см.

³³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

³⁴ Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: новые материалы из оленин. арх. СПб., 1914. С. 113.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

³⁶ Там же. Д. 1006. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 1000. Л. 37 об.

³⁸ Бухтарминская крепость находилась при впадении реки Бухтармы в Иртыш.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

⁴² ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 13. Л. 2.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39 об.

⁴⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.

⁴⁶ Там же. Л. 39.

⁴⁷ Там же. Д. 1006. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 2 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Д. 1000. Л. 38.

⁵¹ Там же. Л. 37.

⁵² Далекарлия (*Dalekarlien*, швед. *Dalarne*) – суровая и гористая, богатая живописными местностями область в Средней Швеции.

⁵³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1851. Д. 7. Л. 9; Там же. 1896. Д. 67. Л. 6.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 34–40.

⁵⁵ Там же. Л. 36 об.

⁵⁶ Там же. Л. 37; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 9.

⁵⁷ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.

⁵⁹ Бурхан – верховное в бурханизме; Бурхан-бакши («Будда-учитель») – распространенный эпитет Будды Гаутамы у монгольских буддистов.

⁶⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4; ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 7.

⁶¹ Монгол-бурханы – души павших монгольских воинов.

⁶² Шакьямуни (мудрец из рода Шакьев) – исторический Будда, известный также под именем Сиддхартха Гаутама.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

Археологические и этнографические предметы в стенах Императорской Публичной...

- ⁶⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.
- ⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.
- ⁶⁶ Там же. Л. 39.
- ⁶⁷ Там же. Л. 38.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1006. Л. 2 об.
- ⁶⁹ Там же. Д. 1000. Л. 37.
- ⁷⁰ Там же. Л. 38.
- ⁷¹ ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 1.
- ⁷² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38 об.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.
- ⁷⁴ Салаирский серебряный рудник находился в Кузнецком уезде Томской губернии.
- ⁷⁵ Бачат – левый приток Ини, впадающей в реку Обь.
- ⁷⁶ Курган находится близ горы Кремлевой и Бухтарминского рудника в Восточном Казахстане у современного села Усть-Бухтарма.
- ⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39 об.
- ⁷⁸ Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 11.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39.
- ⁸⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.
- ⁸¹ Там же. 1852. Д. 24. Л. 8 об.
- ⁸² Пронизка – объемный предмет со сквозным отверстием.
- ⁸³ Деревня Белая находилась на реке Белая (правый приток реки Бухтарма) в Томской губернии.
- ⁸⁴ ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 13.
- ⁸⁵ Марсадалов Л. С. Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. [Вып.] 47. С. 30–33.
- ⁸⁶ Арх. ГЭ. Оп. 1, 1852 г., св. 24, Д. 13. Л. 2; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.
- ⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.
- ⁸⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4 об.
- ⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.
- ⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 167. 1843. Л. 185 об.
- ⁹³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. 1851. Л. 9; Д. 67. 1896. Л. 6; ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. 1852. Л. 3–5.
- ⁹⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1818. Л. 4.
- ⁹⁵ ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 13 об.
- ⁹⁶ Подробнее см.: Зверева И. С. «Король в шкафу», или Посмертные путешествия Станислава Лещинского // Белорусский сборник: ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2012. Вып. 5. С. 187–191.
- ⁹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. 1855. Д. 10. Л. 17.
- ⁹⁸ «Здесь покоится тело первого короля Польши Станислава, герцога Лотарингии по прозвищу Бар, умершего с пользой для Люневильского мира 23 февраля 1766».
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. 1855. Д. 10. Л. 17.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 22.
- ¹⁰¹ ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 13. Л. 1–1 об.
- ¹⁰² ОАД РНБ. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 1.
- ¹⁰³ РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (105/942). 1852. Д. 38. Л. 35.
- ¹⁰⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Сплав золота с серебром.
- ¹⁰⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1851. Д. 7. Л. 1–5.
- ¹⁰⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1914. Д. 11. Л. 144.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 54.
- ¹¹¹ ОР РНБ. Ф. 1. 000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 1–1 об.
- ¹¹² Там же. Оп. 1. Д. 76. 1907. Л. 1.
- ¹¹³ Там же. 1816. Д. 3. Л. 2.
- ¹¹⁴ Отчет в управлении императорской публичной библиотекой, представленный господину министру народного просвещения... за 1816... СПб., 1817. С. 38.
- ¹¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 2–2 об.; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.
- ¹¹⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 7. Л. 3.
- ¹¹⁸ Отчет в управлении императорской публичной библиотекой, представленный господину министру народного просвещения... за 1815... СПб., 1816. С. 20; ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1816. Д. 3. Л. 1.
- ¹¹⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 1.
- ¹²⁰ Там же. Л. 2.
- ¹²¹ Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 8.
- ¹²² Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36.
- ¹²³ Там же. Л. 36.
- ¹²⁴ Там же. Л. 1 об.; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.
- ¹²⁵ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 9. Л. 105; Отчет в управлении императорской публичной библиотекой, представленный господину министру народного просвещения... за 1816... СПб., 1817. С. 39.
- ¹²⁶ ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.
- ¹²⁷ Там же. Л. 14.
- ¹²⁸ Отчет в управлении императорской публичной библиотекой, представленный господину министру народного просвещения... за 1815... СПб., 1816. С. 20.
- ¹²⁹ ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.
- ¹³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. 1843. Д. 167. Л. 194.
- ¹³¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.
- ¹³² ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 7. Л. 3; 1852. Д. 24. Л. 8 об.
- ¹³³ Там же. 1851. Д. 7. Л. 9; РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 167. 1843. Л. 186.
- ¹³⁴ Спутник читателя и посетителя Библиотеки. Л., 1930. С. 55.
- ¹³⁵ Ярцева А. В. Художественные произведения из Императорской Публичной библиотеки – экспонаты историко-художественной выставки русских портретов 1905 г. // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура: сб. ст. и публ. СПб., 2005. Вып. 3. С. 196.